

На правах рукописи

Дубровская Татьяна Викторовна

СУДЕБНЫЙ ДИСКУРС: РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ СУДЬИ

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

10 ИЮН 2010

Саратов – 2010

На правах рукописи

Дубровская Татьяна Викторовна

СУДЕБНЫЙ ДИСКУРС: РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ СУДЬИ

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Саратов – 2010

Работа выполнена на кафедре русского языка и речевой коммуникации Института филологии и журналистики государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Кормилицына Маргарита Анатольевна

Официальные оппоненты:

- доктор филологических наук, профессор Карасик Владимир Ильич,
- доктор филологических наук, профессор Прибыток Инна Ивановна,
- доктор филологических наук, доцент Мякшева Ольга Викторовна.

Ведущая организация: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

Защита состоится «29» сентября 2010г. в 14⁰⁰ час. на заседании диссертационного совета Д 212.243.02 при Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского (410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83) в XI корпусе.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Автореферат разослан «11» мая 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Ю.Н. Борисов

К изучению разных типов дискурса, формирующихся в условиях разнообразных сфер человеческой деятельности, обращаются многие отечественные и зарубежные исследователи речевой коммуникации. Среди дискурсивных исследований особое место занимают работы, посвященные общению в институциональной обстановке, накладывающей определенные ограничения на речевое поведение участников общения. Несмотря на существование значительного количества работ, целью которых является рассмотрение институциональных типов дискурса, в том числе политического, делового, педагогического и т.д., некоторые типы институциональной коммуникации не были до настоящего времени объектом всестороннего исследования. К таким типам дискурса относится судебный дискурс. Судебный дискурс представляет собой сложное, многоголосое образование с большим количеством участников, выполняющих предписанные им институциональными правилами функции. Организующим центром речевого взаимодействия в зале суда является судья, и как ключевая фигура на любом судебном процессе судья заслуживает особого внимания. Судья проявляет в той или иной степени разные грани своей языковой личности не только в судебном, но и в других типах дискурса.

Объектом диссертационного исследования является речевое поведение русских и английских судей в разных ситуациях речевого взаимодействия в ходе судебных процессов, а также в ситуациях, выходящих за рамки собственно судебного дискурса и находящих выражение в жанрах публичного выступления, интервью, эссе.

Предмет исследования – общие и специфические прагматические и языковые характеристики речевого поведения судей в разных ситуациях речевого общения в зале суда и вне судебной обстановки, а также национально-культурная специфика речевого поведения русских и английских судей.

Актуальность работы определяется тем, что она соответствует общей направленности современного языкознания на изучение прагматического аспекта речи, на установление связи между ситуативными факторами и особенностями речевого поведения участников коммуникации. Необходимость исследования устного судебного дискурса обосновал в своей работе В.М. О'Барр: «Даже мимолетного взгляда на язык зала суда достаточно, чтобы обнаружить его богатство и разнообразие и предположить, что юридический язык, на котором говорят в суде и другой обстановке, заслуживает отдельного внимания, подобного тому, которое было уделено письменному юридическому языку» [O'Barr, 1982, p. 26] (*Перевод с английского здесь и далее мой. – Т.Д.*).

Нашу работу характеризует присущее дискурсивным исследованиям стремление установить зависимость речевого поведения участников институциональной коммуникации от особенностей устройства социального института. Устройство института правосудия в России и Англии рассматривается нами как один из принципиальных факторов, обуславливающих особенности судебного дискурса и дискурсов, пограничных с ним.

Внимание к личности судьи как отправителю и получателю речи определяет актуальную для современной науки антропоцентрическую направленность исследования.

Осмысление судебной коммуникации с точки зрения теории речевых жанров, активно развивающейся в настоящее время, открывает новые возможности для выявления закономерностей институционального общения. Именно теория речевых жанров позволяет подойти к речевому общению с социологических позиций, что согласуется с исследованием дискурса как социально значимого явления. Жанроведческий подход базируется на понимании диалогической природы человеческой коммуникации и выдвигает на первый план взаимодействие коммуникантов. Изучению именно диалогических форм судебного дискурса посвящена большая часть нашего исследования. Актуальность исследования судебного диалога очевидна, поскольку до последнего времени анализу подвергались преимущественно судебные речи, т.е. монологические высказывания в зале суда. Отдельные попытки исследования диалогического взаимодействия между участниками судебного процесса требуют дальнейшего развития и упорядочения. Наше исследование призвано, насколько возможно, заполнить пробелы в общей картине судебной коммуникации.

Исследование национально-культурной специфики речевого поведения русских и английских судей способствует выявлению универсальных и специфических характеристик речевого общения различных лингвокультурных общностей и выявлению зависимости этих характеристик от особенностей национального менталитета, исторического прошлого и современного общественного устройства.

Актуальность работы связана также с необходимостью осознания отечественными представителями судебной власти ключевой функции эффективного речевого общения в их работе и процессе осуществления правосудия. Привлечение внимания судей к проблемам институциональной коммуникации должно способствовать повышению уровня их речевой культуры.

Цель и задачи работы. Основная цель работы состоит в построении модели речевого поведения судьи в судебном дискурсе, а также в пограничных с судебным типом дискурса. Поставленная цель достигается с помощью решения следующих задач:

- 1) обосновать понятие «судебный дискурс» и теоретически обобщить имеющиеся научные исследования коммуникации в правовой сфере;
- 2) разработать модель языковой личности судьи, в основе которой лежало бы разнообразие функций, выполняемых судьей в ходе судебного процесса;
- 3) выделить основные ситуации взаимодействия судьи с другими участниками судебного процесса и представить типичные вербальные и невербальные средства, используемые судьей для реализации разных сторон своей языковой личности;
- 4) выявить типичные жанры судейской речи и предложить модель анализа жанров, охватывающую прагматические и языковые факторы и

позволяющую установить связь жанра с реализуемой стороной языковой личности, а также взаимосвязь этих жанров между собой и с другими жанрами судебного дискурса;

5) проанализировать жанры судебной речи согласно предложенной модели;

6) представить понятие гибридного типа дискурса и осуществить анализ речевого поведения судей в различных жанрах вне зала суда;

7) выявить национально-культурную специфику речевого поведения русских и английских судей и объяснить ее с социолингвистической и когнитивной точек зрения.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые в отечественных дискурсивных исследованиях представлен многосторонний анализ речевого поведения русских и английских судей в условиях судебного процесса и вне его. В рамках выполненного анализа выявлена структура языковой личности судьи, определены принципиальные роли, исполняемые судьями в различных ситуациях и на разных стадиях судебного процесса, отмечены характерные тактические и языковые средства реализации этих ролей. Кроме того, предложена модель анализа жанров судебного дискурса, которая может использоваться для анализа жанров других типов институционального дискурса. Новизна работы состоит также в обращении к гибридным типам дискурса, в которых судья выступает в качестве говорящего субъекта. В исследовании указаны признаки смещения разных типов дискурсов, определена функциональная значимость этой гибридности.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что:

– в работе выделены жанры судебной речи, отмечены их прагмалингвистические характеристики, установлена взаимосвязь между жанром и соответствующими сторонами языковой личности судьи, находящими выражение в этом жанре;

– некоторые черты речевого поведения судей получили объяснение с точки зрения особенностей национального русского и английского мышления, а также специфики функционирования институтов правосудия в двух странах;

– установлена связь речевого поведения участников институционального общения с особенностями устройства и функционирования института правосудия и некоторыми характеристиками национального мышления.

В диссертации систематизирован разнообразный материал современной судебной речи, до сих пор не получавший многостороннего рассмотрения в научной литературе. Работа вносит вклад в теорию языка, социолингвистику, лингвокультурологию.

Материал исследования – это стенограммы судебных процессов, а также ручные записи, сделанные автором в русских и английских судах, тексты русских и английских судебных решений и приговоров. Используются материалы 30 судебных процессов, которыми руководили 20 судей. Объем материалов разных процессов варьируется. Отдельные документы и выступления судей, например, приговоры, содержат около 3000 словоупотреблений. В случаях продолжительных судебных процессов

количество словоупотреблений достигает 1450000. В целом счет идет на несколько миллионов словоупотреблений. Материалы судебной речи датированы 1991-2009 гг.

Речевое поведение русских и английских судей вне зала суда исследуется на материале, авторами которого являются 22 судьи и который включает 13 публичных речей, 9 видео и печатных интервью, 6 эссе (2000-2009 гг.).

Методологическая основа и методы исследования. Методологическую основу исследования составляют:

– общетеоретические работы, посвященные проблемам исследования дискурса и интердискурсивности [М.Л. Макаров, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, К.Ф. Седов, В.Г. Борботько, В.Е. Чернявская, Е.В. Сидоров, П. Сериио, Р. Барт, Ю. Кристева, N. Fairclough, R. Wodak, S. Mills, D. Schiffrin, J.P. Gee, T. van Dijk, S. Titscher и др.];

– перспективные результаты отечественных ученых в области изучения взаимодействия языка и права [Н.Д. Голев, А.С. Александров, В.М. Баранов, Т.В. Чернышова, Н.А. Мишанкина, Ж.А. Рожнева, И.А. Горелова, О.В. Красовская, Е.А. Савочкина, И.И. Прибыток, С.П. Хижняк, Т.В. Князькова, Е.А. Усманова, С.И. Недашковская, П.А. Катышев, З.В. Баишева, В.В. Девяткина, Е.В. Тархова, Н.В. Паркина, О.Н. Тютюнова и др.];

– достижения зарубежных специалистов в области юридической, в том числе судебной, коммуникации [P. Goodrich, J. Gibbons, J.M. Conley, W.M. O’Barr, L.B. Solum, L. Solan, E. Weigand, V. Henzl, S. Phillips, J.M. Atkinson, P. Drew, G. Stygall, J.N. Levi, D. Kurzon, P. Tiersma, Ch. Heffer, D. Eades, M. den Boer, E. Feteris, A. Sarat, M. Coulthard, W.L. Bennett, M.S. Feldman, B. Kryk-Kastovsky и др.];

– концепции языковой личности и ее речевого поведения [Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, К.Ф. Седов, Г.И. Богин, В.В. Красных, Т.Г. Винокур, О.С. Иссерс, J.M. Conley, W.M. O’Barr и др.];

– положения теории речевых жанров [М.М. Бахтин, Т.В. Шмелева, В.В. Дементьев, А.Г. Баранов, М.Ю. Федосюк, Ст. Гайда, К.А. Долинни, Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова, В.Е. Гольдин, О.П. Сологуб, J.P. Gee, N. Fairclough, J. Swales, M. Halliday, R. Hasan, T. Luckman, Ch. Bazerman, R. Bauman, V.K. Bhatia, J. Gibbons, I. Witczak-Plisiecka, A. Johnson, K.L. Doty, R. Hiltunen и др.];

– положения теории вежливости и результаты исследований по речевому этикету [Т.В. Ларина, Е.П. Захарова, О.В. Красовская, А. Cruse, S. Mills, R. Scollon, S.W. Scollon, D. Kurzon, K. Evans, M. Bloor, Th. Bloor и др.];

– достижения современной когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, этнографии [К. Касьянова, Дж. Лакофф, М. Джонсон, V.J. Hibbits, L.L. Berger, J. Paxman, K. Fox и др.];

– исследования языка СМИ и особенностей представления реальности в них [М.А. Кормилицына, Э.М. Ножкина, P. Thaler, S. Prince, S. Greenfield, G. Osborn и др.].

В ходе исследования использовались разные методы и методики, что обусловлено поставленными в работе целями и задачами. Среди них: метод

научного наблюдения с дискурсивным анализом; анализ речевого поведения в свете теории речевых жанров и теории вежливости; риторический анализ, определяющий степень соответствия речи судей нормам институциональной коммуникации. Обращение к речевому материалу на двух языках обусловило применение методик сопоставительного анализа. Междисциплинарный характер исследования определил использование социологических данных и достижений криминальной психологии.

Комбинация перечисленных методов и методик позволяет многосторонне изучить речевое поведение судей в потоке судебного дискурса и решить поставленные исследовательские задачи.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Языковая личность судьи имеет несколько граней, которые реализуются в различных ситуациях в ходе судебного процесса: судья-рефери, судья-участник драматического действия, судья-лингвист, судья-обычный человек;

2. Каждая роль судьи соотносится с осуществлением определенного вида деятельности и конкретными целями, которые достигаются средствами языка:

– судья-рефери обеспечивает справедливый судебный процесс, гарантирующий равные права сторонам, и в его речи особую роль играют метакоммуникативные средства с контролирующей и структурирующей функциями;

– судья-участник драмы является ключевой фигурой в реализации процесса как театрального и ритуального действия. Для его речи характерны устойчивые речевые формулы, юридическая лексика, сложный синтаксис, образно-экспрессивные приемы, соблюдение принципа вежливости;

– деятельность судьи-лингвиста предполагает внимание к языковым аспектам речи (семантике, грамматике, контексту, строению текстов) в ходе толкования текстов законов, документов, высказываний участников процесса;

– судья-обычный человек проявляет эмоции и личное отношение к участникам процесса, закону, принятым ранее судебным решениям;

3. Грани языковой личности судьи в разной степени находят выражение в жанрах судебской речи. Однако во всех жанрах грань «судья-рефери» остается ведущей, поскольку с ней связано выполнение судьей своих основных обязанностей;

4. Институциональные нормы, закрепленные законодательно и обуславливающие структуру и содержание жанров судебской речи – судебного допроса, напутственного слова присяжным, решения/приговора, – взаимодействуют с нормами коммуникативного поведения в лингвокультурной общности и с традициями, существующими в системе правосудия;

5. Выделенные жанры судебской речи связаны между собой и с другими жанрами юридического дискурса интертекстуальными связями, что приводит к образованию единого и незавершенного дискурсивного пространства;

6. Границы судебного дискурса раздвигаются также за счет того, что происходят контакты представителей судебной власти с представителями других социальных институтов и образуются гибридные типы дискурса,

объединяющие в себе признаки судебного, политического, масс-медийного дискурсов;

7. В жанрах гибридных типов дискурса (публичных выступлениях, интервью, эссе) судья проявляет себя в нетипичной для него роли публичной фигуры. Выполняя задачу создания положительного образа судебной власти, судья использует стратегии и тактики речевого поведения, типичные для сферы политики;

8. Речевое поведение русских и английских судей отмечено спецификой, что обусловлено особенностями устройства институтов правосудия в обеих странах и чертами национального характера. Отечественным судьям свойственно выполнение инквизиционных функций в силу закрепившейся в суде традиции и предшествующего личного профессионального опыта. Склонность к оценочности и использованию тактик интимизации общения в значительной степени объясняется чертами русского национального характера. Для английских судей характерно нейтральное отношение к сторонам процесса, более последовательное соблюдение ритуальных условностей и принципа вежливости. Высокая речевая культура английских судей проявляется также в творческом использовании языка, в частности, в применении образно-экспрессивных средств и умении построить эффективный диалог с аудиторией.

Практическая значимость исследования связана с возможностью использования речевого материала и результатов его анализа в преподавании курсов лингвистической прагматики, анализа дискурса, социолингвистики, для обучения английскому языку как иностранному студентов юридических специальностей. Материал может быть использован для составления практических рекомендаций по культуре речи для судей.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были изложены и обсуждались на всероссийских и международных конференциях в России и за рубежом, в частности: на III международном симпозиуме «Новые направления в лингвистической прагматике» (г. Лодзь, Польша, 2006); на XI международном симпозиуме «Риторика и анализ диалога» (г. Мюнстер, Германия, 2007); на III международном симпозиуме по категории вежливости (г. Лидс, Великобритания, 2007); на международном симпозиуме «Гуманизм в европейской науке и культуре» (г. Люблин, Польша, 2009); на научном семинаре «Власть и жизненный мир личности» (г. Саратов, 2003); на I и II международных конференциях «Современные направления в лингвистике и преподавании языков» (г. Пенза, 2007, 2008 гг.); на I и III всероссийских научно-практических конференциях «Личность – Язык – Культура» (г. Саратов, 2007, 2009); на международной научно-практической конференции «Современное состояние русской речи: эволюция, тенденции, прогнозы» (г. Саратов, 2008); на международном симпозиуме «Наука и культура в 21 веке: новые пути к бесконфликтному обществу» (г. Пенза, 2008), а также на заседаниях кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета.

Отдельные фрагменты исследования были представлены в виде лекций для студентов и преподавателей филологического факультета университета им. Николая Коперника (г. Торунь, Польша, 2009).

Содержание диссертации отражено в 30 публикациях, в том числе 1 монографии и 7 статей в журналах, включенных в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий...», рекомендуемых ВАК.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы, списка исследованных материалов, списка сокращений.

Содержание диссертации

Во **введении** обоснована актуальность темы диссертации и новизна исследования, определены цель и соответствующие этой цели задачи и методы исследования, представлены положения, выносимые на защиту, отмечены теоретическая и практическая значимость работы, охарактеризован материал исследования.

В **первой главе «Теоретические основы изучения дискурса правовой сферы»** излагается научная и методологическая основа работы, представляются принципиальные понятия, используемые в работе, обобщается опыт отечественных и зарубежных исследований языка правовой сферы.

Интерес к проблемам функционирования языка в различных сферах человеческой деятельности, преобладающий в исследовательской парадигме лингвистики последних десятилетий, охватил и сферу правовой деятельности. На границе права и лингвистики сформировалась новая дисциплина – **юрислингвистика (Forensic Linguistics, Legilinguistics)**, имеющая свой круг проблем и методологию. В сферу внимания дисциплины попадают процессы и трансформации, происходящие в правовой жизни общества и получающие то или иное языковое воплощение. Юрислингвистика успешно развивается в Англии, США, Германии, Польше и других странах. Убедительным доказательством значительного интереса к взаимосвязи языка и права в России служат девять сборников научных трудов «Юрислингвистика» под редакцией д.ф.н, профессора Н.Д. Голева, включающих работы ученых по самым разным проблемам взаимоотношений языка и права.

Одним из ключевых понятий юрислингвистики является понятие **дискурса**. Без повторений и подробного рассмотрения определений дискурса в работе отмечены те свойства дискурса, которые определяют ракурс и методологическую основу исследования судебной речи. Ряд принципиальных свойств дискурса определяет его природу. Дискурс имеет процессуальный и динамичный характер и приводит к образованию статичной лингвистической структуры, т.е. текста [В.Е. Чернявская, В.З. Демьянков]. Будучи процессом, дискурс связан с мыслительной деятельностью человека – язык и речь используются как средства выражения работы человеческого мышления [В.Г. Борботько], а активизация речемыслительной деятельности всех участников дискурса определяет его интерактивный характер [К.Ф. Седов, S. Titscher et al.]. Дискурсивный анализ характеризуется учетом экстралингвистической

ситуации, в которой разворачивается дискурс. Участники дискурса объединяют язык с явлениями внеязыкового порядка, широким ситуативным контекстом, прагматическими, социокультурными, психологическими факторами [Н.Д. Арутюнова, D. Schiffrin, J.P. Gee]. Включение социокультурного фона в дискурсивный анализ является результатом отношения к дискурсу как феномену социально обусловленному и социально значимому, обладающему силой воздействия на тот социальный фон, в котором он порождается [Е.С. Кубрякова, П. Серио, N. Fairclough, R. Wodak, S. Titscher et al.]. Наконец, свойством дискурса является отсутствие у него четко обозначенных границ, что является следствием его процессуальности и интертекстуальности, а также результатом постоянной трансформаторской деятельности человека [П. Серио, J.P. Gee, N. Fairclough]. Перечисленные характеристики свидетельствуют о емкой и многогранной природе дискурса, определяющей широту проблематики дискурсивных исследований.

Замечание о многогранности дискурса в полной мере относится к юридическому дискурсу и его разновидности – судебному дискурсу. В исследовании понятия юридического и судебного дискурса разделяются, и каждое соотносится с определенной сферой человеческой деятельности и коммуникации. С более широкой коммуникативной сферой соотносится понятие **юридического дискурса**. Сферой формирования и функционирования **судебного дискурса** является зал суда. Судебный дискурс представляет собой разновидность и составную часть юридического дискурса.

В работе **судебный дискурс** понимается как вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в ходе судебного процесса, которое рассматривается в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и намерений коммуникантов. При этом конечной целью процесса является разрешение правового конфликта и изменение правовой ситуации. Судебным дискурсом можно считать, во-первых, дискурс отдельных судебных процессов или их отрезков. Во-вторых, судебный дискурс может выступать в качестве обобщающего понятия, объединяющего в себе множество дискурсов, на основе анализа которых возможно выделение типичных характеристик и общих закономерностей построения судебной коммуникации. В рамках судебного дискурса выделяются его более частные разновидности, такие как дискурс правоприменителя, дискурс обвинения и защиты, дискурс судей, устная речь в учреждениях права и др. [А.В. Смирнов, В.М. Баранов, А.С. Александров, Н.Д. Голев, J.M. Conley, W.M. O'Barr, L.V. Solum и др.].

Судебный дискурс представляет собой яркий пример статусно-ориентированного общения (термин В.И. Карасика), в котором роли четко распределены и за каждым участником закреплены функции, определенные нормами института правосудия. При этом общению присуще неравенство сторон. Статусное положение участников судебного дискурса, в том числе судьи, находит выражение в их речевом поведении. Термин «речевое поведение» используется в понимании, предложенном Т.Г. Винокур: «... Речевое поведение как совокупность речевых поступков, с внутриязыковой

стороны определяемое закономерностями употребления языка в речи, а с внеязыковой – социально-психологическими условиями осуществления языковой деятельности» [Винокур, 2005, с. 12]. В таком понимании речевое поведение связывает воедино конкретные языковые средства, социальные условия и психологические характеристики говорящего. Использование термина «поведение» отвечает задачам исследования, поскольку в нем отражена способность говорящего поведенчески адаптироваться к изменяющейся в ходе судебного процесса ситуации.

Речевое поведение судьи как способ реализации власти влияет на общую ситуацию в зале суда и меняется в зависимости от изменений ситуации, вызванных речевым поведением других участников, но вариативность речевого поведения всех участников в рамках судебного дискурса имеет границы. Повторение ситуаций является основой функционирования института правосудия, и это позволяет говорить о трафаретности и ритуализованности судебного дискурса. Определенная степень гибкости речевого поведения судьи и участников судебного процесса возможна благодаря использованию разных речевых тактик при выполнении более общих стратегических задач. Отличительной чертой судебного дискурса является обусловленность речевого поведения участников законодательством: уголовно-процессуальным и гражданским процессуальным кодексами. Кодексы судейской этики в качестве рекомендательных документов также определяют речевое поведение судей.

При определении методологии исследования речевого поведения судьи в судебном дискурсе используется уже имеющийся опыт изучения функционирования языка в правовой сфере и существующие отечественные и зарубежные исследования, среди которых выделяются две основные группы: 1) обращенные к языку законов и письменных документов, 2) обращенные к устному языку юридической коммуникации. Разграничение типов юридического дискурса по принципу письменный/ устный соответствует объективно существующим сферам юридической деятельности.

В рамках изучения письменных юридических текстов решаются проблемы понимания и толкования законодательных текстов [Н.Д. Голев, А.А. Векшин, Е.Ю. Матвеева, М.А. Ширинкина, Т.В. Чернышова], рассматриваются стилистические особенности юридических документов [В.Б. Исаков, М.Б. Кострова, J. Gibbons, P. Tiersma], исследуется проблема эффективного применения терминологии [Т.В. Новикова, С.П. Хижняк, Рьженкова Т.В., I. Witzak-Pliesiecka, L.M. Solan], выявляется структурно-языковая организация текстов [И.А. Горелова, Н.И. Кузнецова, P. Tiersma]. Считая юридический текст целостным, завершенным произведением, имеющим четкую структуру, ученые в то же время указывают на включенность его в более общий языковой и социальный контекст и внешние системы [Н.Д. Голев, А.В. Поляков, P. Tiersma, D. Kurzon]. Таким образом, в ряде исследований осуществляется дискурсивный подход к юридическим документам, выходящий за рамки собственно текстового анализа. Юридические документы исследуются в исторической перспективе как речевые произведения, обусловленные изменениями, происходящими в правовой сфере общества, как особый тип документов,

обеспечивающий контакт и взаимодействие между властными структурами и рядовыми гражданами.

Сфера письменных юридических текстов, представляющих собой объекты более удобные для наблюдения и исследования по сравнению с устной речью, до определенного момента являлась основным полем деятельности лингвистов. К настоящему времени написано значительное количество трудов, посвященных устной речи в ситуациях правового взаимодействия, причем для большинства исследований характерны понимание ее как дискурса, и акцент ставится на присущих дискурсу свойствах.

В исследованиях устный юридический дискурс представлен как контактная коммуникация, и его интерактивный характер находит отражение в соответствующей терминологии. Речь идет о правовом взаимодействии (legal interaction), речевом взаимодействии (speech interaction), юридической профессиональной коммуникации (legal professional communication) и т.д. Тем самым подчеркивается принципиальная роль языка в построении социальных отношений и организации институтов власти. Работы обращены к разным сферам и ситуациям правового взаимодействия: допросу в полиции [A. Johnson, M. Coulthardt, K. Haworth, M. Svobodova], юридической консультации [A. Sarat, W. Felstiner], общению в среде юристов, офицеров полиции и тюрьмы [M.B. Снегирева, J. Gibbons]. Коммуникация рассматривается с учетом выполняемых коммуникантами функций, неравенства социальных статусов, психологического состояния участников общения.

Судебный дискурс как важный вид устной юридической коммуникации является объектом внимания как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Целый ряд работ посвящен судебному нарративу с присущей ему процессуальностью, интертекстуальными связями, характерными структурными и языковыми особенностями, когнитивным пространством, способностью к представлению авторского видения события и аргументации своей позиции [Т.В. Князькова, П.А. Катышев, M. den Boer, W.L. Bennett, M.S. Feldman, Ch. Heffer, N. Nivelles, E. Feteris, E. Weigand].

Дискурсивный подход к судебной коммуникации предполагает учет множества прагматических факторов, например, влияние на процесс коммуникации возраста коммуникантов, их психического состояния, уровня владения языком коммуникации, асимметрии социальных статусов [D. Eades, N.S. Nicholson, V. Henzl, G. Stygall, B. Dumas и др.]. В. Kryk-Kastowsky указывает на применимость к языку права основных прагматических категорий, подчеркивает важность теории речевых актов и перформативов, а также теории вежливости. Судебный дискурс рассматривается с точки зрения достижения коммуникантами дискурсивных целей и в свете таких прагматических категорий, как пресуппозиция, дейксис, имплицатура, мена ролей, стратегия. тактика, непосредственно влияющих на построение правовой коммуникации как социально обусловленного процесса [G.M. Green, J.M. Atkinson, P. Drew, S. Ziccolella и др.].

В отечественных исследованиях судебного дискурса представлен, главным образом, анализ длительных монологических высказываний, прежде

всего, обвинительной и защитительной речей, которые рассматриваются с точки зрения оценочного воздействия, нарративной структуры, проявлений языковой личности [С.И. Недашковская, З.В. Баншева, Е.А. Кузнецова, Н.В. Паркина и др.].

В отечественной лингвистике наблюдается явный недостаток исследований диалогического взаимодействия в зале суда и принципов его построения. Отдельные исключения составляют работы А.С. Александрова, О.С. Красовской, О.Н. Тютюновой, И.И. Прибыток. Изучается жанр судебного допроса, типы вопросов и ответов в этом жанре, а также взаимосвязь между тактическими целями и грамматической формой высказываний [А.С. Александров, И.И. Прибыток]. Игровой, драматический момент представлен как обязательный элемент судебного процесса, необходимый для убеждения в справедливости, достоверности сказанного о преступлении и наказании [А.С. Александров]. Применяя прагматические категории жанра, стратегии, вежливости, кооперации, О.В. Красовская анализирует речевые ситуации, возникающие в ходе гражданских процессов, и предлагает ряд практических рекомендаций тем, кто защищает свои права в суде.

Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса на материале русских и немецких телепрограмм исследует О.Н. Тютюнова. Р. Thaler отмечает, что экранные имиджи часто подгоняются под нужды массовой аудитории. Подобным образом, не являются точным отражением судебного процесса и образы, созданные в художественных фильмах и художественной литературе [Е.А. Савочкина, Т.В. Дубровская, Ю.В. Леонова, S. Greenfield, G. Osborn].

Таким образом, наиболее общей чертой исследовательской парадигмы является изучение языка в правовой сфере как социально значимого явления, воссоздающего институт права через взаимодействие людей, непосредственное или опосредованное законодательными тестами. Для каждой из частных сфер функционирования юридического дискурса характерна своя проблематика. Проблемы толкования текстов и разработки терминологического аппарата актуальны для изучения законодательных актов. Условия построения эффективного взаимодействия между участниками правовой коммуникации определяются в рамках изучения устного юридического дискурса. Спектр изучаемых с коммуникативной точки зрения правовых ситуаций значительно шире в англоязычной литературе, причем большее место занимают исследования диалогической речи. В отечественных исследованиях судебного дискурса как разновидности юридического дискурса в основном представлен анализ монологических высказываний. Анализ юридического дискурса выходит за рамки собственно текстового анализа. В сферу внимания ученых попадают не только стилевые и логико-образующие средства создания дискурса, но и прагматические факторы – ситуация общения, социально-исторический контекст, национально-культурный фон, статусные характеристики и интенции участников коммуникации, их индивидуальные особенности, в том числе психологическое и эмоциональное состояние, языковые и умственные способности, возраст и др.

Анализ литературы позволяет сделать вывод, что диалогическое взаимодействие в зале суда, в том числе взаимодействие судьи с участниками процесса, является широким полем для дальнейших исследований с целью установления закономерностей построения судебного дискурса с учетом разнообразных внеязыковых факторов.

Собственный подход исследованию судебного дискурса обозначен как социолингвистический, т.е. предполагающий анализ дискурса с точки зрения его социального значения и социального эффекта. Таким задачам отвечает междисциплинарный характер исследования, использующего результаты смежных гуманитарных дисциплин: юриспруденции, социологии, психологии.

Во второй главе «Структура языковой личности судьи» рассмотрено понятие языковой личности и разработана модель языковой личности судьи, в основе которой лежит разнообразие функций, выполняемых судьей в ходе судебного процесса.

Интерес к говорящему индивиду в современной лингвистике не нов, а понятие языковой личности является центральным во многих современных исследованиях различных типов дискурса [Ю. Н. Караулов, В.И. Карасик, Ю.А. Сорокин, К.Ф. Седов, М.А. Кормилицина, Т.А. Милехина, J. Hoffmanova, E. Weizman и др.]. Общим в понимании языковой личности является восприятие ее как некоторой собирательной модели. В работе под языковой личностью судьи понимается собирательный конструкт, обобщающий характеристики речевого поведения группы людей, выполняющих одинаковую социальную функцию, т.е. судей. Абстрактная модель языковой личности судьи создается посредством суммирования и обобщения характеристик речевого поведения, которые являются общими для русских и английских судей. Особо отмечена национально-культурная специфика речи судей.

Рассмотрение языковой личности судьи начинается с обобщенного социологического портрета русских и английских судей. И в отечественной, и в английской судебных системах судейское сообщество разнообразно как с точки зрения должностей, занимаемых его представителями, так и с точки зрения таких индивидуальных особенностей, как пол, возраст, этническая принадлежность. В отечественной системе правосудия судьи обязательно имеют высшее юридическое образование, тогда как в английской системе работают и непрофессиональные судьи, среди которых велика доля женщин и представителей этнических меньшинств. Профессиональные английские судьи – это в основном белые мужчины преклонного возраста, принадлежащие к высшему классу. В отечественных судах высок процент женщин (в арбитражных судах достигает 72%) и не существует проблемы омоложения (возраст трети судей районного звена составляет 30-40 лет). Отмеченные тенденции формирования судебных корпусов в России и Англии позволяют строить дальнейший анализ речевого поведения языковой личности судьи с учетом некоторых социокультурных факторов.

В исследовании указано, что в зависимости от особенностей коммуникативной ситуации в рамках социальной роли судьи реализуется несколько более частных ролей, которые тесно взаимосвязаны и в некоторых

случаях реализуются одновременно. В зависимости от выполняемой функции в структуре языковой личности судьи выделены четыре стороны: судья-рефери, судья-участник драмы, судья-лингвист, судья-обычный человек.

Судья как рефери

Из всего многообразия выполняемых судьями функций самая важная и самая очевидная функция – обеспечение справедливого судебного процесса, на котором судья выступает как арбитр, рефери. Такая роль судьи обусловлена состязательностью судебного процесса, происходящей непосредственно в зале суда битвой между защитой и обвинением. И в отечественном, и в английском суде главная задача судьи состоит в обеспечении условий судебного процесса, которые способствовали бы осуществлению правосудия. Роль рефери предполагает уравновешенное, спокойное поведение, характеризующее судью как беспристрастного, объективного, способного разобраться в любой сложной ситуации. Очень важно умение слушать участников судебного процесса без лишнего вмешательства. В то же время роль независимого арбитра предполагает осуществление контроля за происходящим в зале суда и внесение корректив в ход процесса в случае необходимости: высказывания участников процесса, не соответствующие создаваемой правовой реальности, разрушают состоятельность судебного процесса.

Судьи реализуют свою власть над другими участниками процесса, используя большое количество метакоммуникативных средств. Термин «метакоммуникация» используется в понимании М. Стаббса: «Прежде всего метакоммуникация включает: сообщения о каналах общения, контроль того, открыты и работают ли они; сообщения, которые помогают ровному ходу коммуникации; контроль того, кто и сколько говорит, и сигналы остановки или перебивов (сигналы меня говорящего); контроль содержания, приемлемого для коммуникации» [Stubbs, 1983, с. 48]. Характерные для метакоммуникации функции исследовались во многих других работах отечественных и зарубежных лингвистов [А. Вежбицка, М.В. Ляпон, Т.В. Харламова, С.Е. Thompson, А. Ciliberti, L. Anderson, T. Dahl, H. Kusse и др.].

Представляется возможным разделить выделенные функциональные типы метакоммуникативных средств в речи судей на две группы: 1. ориентированные на создаваемый в зале суда дискурс и 2. ориентированные на взаимоотношения коммуникантов.

1. Метакоммуникативные средства, ориентированные на создаваемый дискурс, способствуют созданию таких речевых произведений в зале суда, которые бы удовлетворяли процессуальным требованиям и позволяли судье принимать решение на основе содержащейся в них информации.

К таким средствам относятся средства с функцией:

1) контроля темы и уточнения предмета обсуждения (*Давайте уточним; Это Вы имеете в виду...; Just to elaborate this...; Can I just be clear?*),

2) контроля количества дискурса (*Начните с самого начала; Давайте поподробнее; Все, достаточно; Let us concentrate on this one; You have dealt with that already*),

3) контроля качества дискурса, в том числе его уместности, точности, соответствия процессуальным нормам (*Вы читаете верх, который вообще не заявляли; Ответьте, пожалуйста, на вопрос ответом, а не вопросом!; Hang on, why are you telling me about that now?; I am not sure that is actually right, as a matter of law*),

4) ввода чужой речи (*According to Mr. Irving's argument; What he said was that...*),

2. Метакоммуникативные средства, ориентированные на контроль взаимодействия между участниками процесса, многочисленны, поскольку судебный дискурс диалогичен по сути и представляет собой полифонию голосов, которая нуждается в упорядочивании и регулировании. Такую роль выполняют в речи судьи средства с функцией:

1) привлечения внимания и ввода темы (*Ну что, начинаем, да?; What I will ask you to do though is this*),

2) контроля смены ролей (*Извините, пожалуйста...; Подождите секунточку; Sorry...; I am sorry to interrupt, can I just be sure; Just pause*),

3) контроля понимания (*Ясно; Все понятно; Я так понимаю; Я поняла; Yes, I understand; Yes, I remember; Yes, I follow; As I understand it*),

4) комментирования собственных действий (*Я просто должна сделать Вам замечание; Я еще раз говорю, это мы отмечаем в протоколе; I am not criticising...; I am not shutting the door on you; I am making no promises*),

5) планирования речевых действий (*Мы сейчас заканчиваем и переходим к прениям; He will be then cross-examined; His evidence will finish today*),

6) обобщения результатов речевых действий (*Исследовав и оценив в совокупности приведенные выше доказательства; Anyway, your position is...*).

Перечисленные функции редко реализуются в дискурсе изолированно. Именно благодаря комбинациям метакоммуникативных средств дискурс судьи становится емким и многофункциональным. В примере (1) функция проверки понимания (*as I understand it; my understanding is that – как я понимаю; я так понимаю, что*) сочетается с функцией контроля количества речи (*do not let us talk over each other too much – давайте не будем на этом задерживаться слишком долго*):

(1) JUDGE: *As I understand it, and do not let us talk over each other too much, my understanding is that first time around the wrong file number was given, but then later the correct file number is thought to have been discovered, which then prompted Dr Longerich to write to or to fax Dr Aaron Reich, asking if he could say what the other documents in this file are. (Irving 2000)*

Метакоммуникативное оформление характерно для целых фрагментов диалогической коммуникации в зале суда, сопряженных с неоднократной сменой ролей. Эти фрагменты представляют собой единое целое в силу связности, которая обеспечивается метакоммуникативной рамкой. В ряде случаев окончание одного фрагмента влечет за собой начало другого, и этот переход находит выражение в речи судьи. Связь между отдельными фрагментами судебного дискурса, осуществляемая посредством метакоммуникативных средств в речи судьи, делает дискурс более

упорядоченным и логичным. С точки зрения языкового воплощения, метакоммуникация представлена широким спектром языковых средств – от отдельных слов и вводных конструкций до целых фрагментов дискурса, состоящих из нескольких предложений. Представляется, что именно посредством метакоммуникации судья ярко проявляет себя в роли независимого рефери, способного организовать процесс и создать условия для состязания сторон.

Судья как участник драматического действия

Помимо того, что судья – фигура официальная, наделенная рядом вполне определенных полномочий, это еще и фигура в некотором роде театральная. Многие исследователи отмечают ритуальный характер судебного процесса и нередко сравнивают его с театральным и даже цирковым представлением [P. Devlin, J.A. McKenna, G.F. Uelmen, S. Kadri, A.C. Александров, М.Ю. Пахалов]. Создание успешного драматического действия происходит за счет комбинации вербального и невербального компонентов коммуникации. Эти компоненты на практике составляют единое целое и играют одинаково важную роль в создании эффекта театральности.

В рамках невербального компонента выделены три составляющие: 1) общая обстановка в суде, 2) одежда участников процесса, 3) особенности невербального поведения участников процесса. Способ физического доступа к месту правосудия и внутреннее устройство суда способствуют созданию атмосферы ритуализированного пространства. Ношение судьями мантий и париков призвано вызывать уважение присутствующих и усиливать официальность атмосферы. Особую функцию в организации судебной драмы выполняют невербальные действия участников процесса. Судью обязательно приветствуют стоя. Расположение участников процесса строго регламентировано, они не могут произвольно передвигаться по залу заседаний и обязаны соблюдать дистанцию между собой и судьей. Судебный этикет также требует, чтобы дающие показания участники процесса отвечали суду, а не поворачивались к ведущему допрос.

Речевые действия в суде имеют несколько характеристик, актуализирующих судебный процесс как драму: 1) формальность, 2) вежливость, 3) экспрессивность. Формальность судебного дискурса проявляется прежде всего в фиксированной системе обращений как участников процесса к судье, так и судьи к участникам процесса. Для английской судебной системы характерна более сложная система обращений к судьям и более последовательное соблюдение самими судьями правил судебного этикета, что свидетельствует о большей ритуализованности английских процессов.

Формальный характер судебного действия создается также за счет использования в повторяющихся типичных ситуациях готовых речевых формул. Широко используются пассивные конструкции, перформативы: *It is anticipated that...; It is not usually done by the witness; Let the jury be brought back in; Оглашается определение; I direct that a transcript of my sentencing remarks and these remarks to you are to be prepared.* Стандартные речевые формулы используются в русском и английском судах для открытия и закрытия

судебного заседания: *Судебное заседание объявляю открытым. Рассматривается дело в отношении М. и С.; Объявляется перерыв для подготовки к прениям; Members of the jury, we will break off now and resume again at 10.30 tomorrow morning.* Устойчивые речевые формулы связаны как с повторяющимися ситуациями, так и с определенными действиями ритуального характера, обязательными для проведения судебного процесса, например, с ритуалом обсуждения всех просьб к суду.

Лексическая составляющая в значительной степени определяет характер судебной драмы. Основным пластом лексики составляют общеупотребительные слова, а также лексические единицы, имеющие окраску официально-делового стиля. Ярко выраженную официально-деловую окраску имеют некоторые дискурсивные слова и словосочетания, используемые в английской речи для создания связного дискурса. Обширный пласт лексики русских и английских судей составляют специальные слова, юридические термины, многие из которых используются в составе клише: *заявлять гражданский иск, возместить ущерб, дать показания, пояснить/ показать (в значении «объяснить/ дать показания»), проживать, эпизод (в значении «акт правонарушения»), нанесение побоев, установить личность, изымать, to grant bail, hearing, a psychiatric assessment, a change of circumstances, handwriting evidence, service of the evidence, life imprisonment, pass sentence, to adjourn* и мн. др. Даже небольшие по объему высказывания судей насыщены большим количеством специальной лексики и штампов:

(2) СУДЬЯ: *Как Вы можете обосновать свои исковые требования в части компенсации морального вреда? (РЗ 4/2008);*

В то же время в речи отечественных судей встречаются отклонения от норм официально-делового стиля, что проявляется в употреблении лексических единиц, относящихся к маргинальным сферам употребления. Это просторечные слова (*чё, щас*), жаргонная и уголовная лексика (*упереть (т.е. украсть), доза (т.е. наркотик), ломануться (т.е. резко броситься), мамочка (т.е. сутенерша), общак (т.е. общие деньги), клиентура* и др.), клички, диминутивы (*расписочка, повесточка*). Использование перечисленных лексических средств можно считать проявлением стремления судей интимизировать общение с участниками процесса, говоря с ними на одном языке. Многие отечественные судьи до прихода в суд работали в органах следствия и прокуратуры, и их предшествующий профессиональный опыт в значительной степени определяет те способы добычи информации, которые используются в ходе судебного процесса.

Синтаксис речи судей варьируется в зависимости от ситуации взаимодействия и жанра речи судьи. Устный дискурс русских судей часто не отличается сложностью, тогда как в речи английских судей распространены предложения с осложненным синтаксисом. В ряде случаев осложненный синтаксис в речи русских и английских судей приводит к перегруженности и появлению текстовых нарушений.

В создании театральной стороны судебного процесса большую роль играет принцип вежливости. Несмотря на присущую судебному процессу

состязательность и конфликтность, он должен быть в определенной степени гармоничным и ровным. Участники процесса обязаны демонстрировать должное уважение и терпение друг к другу и судье, а судья ко всем присутствующим для того, чтобы судебный процесс состоялся как социально значимая процедура. В речи судей отмечены средства негативной и позитивной вежливости. Первые смягчают эффект от умаляющих достоинство адресата высказываний, вторые подчеркивают положительный статус адресата [Cruse, 2004].

В речи судей типичные акты, угрожающие лицу, включают: перебивы; затрагивание темы, нежелательной для адресата; управление речью адресата; выражение сомнения в правильности мнения адресата; окончание взаимодействия. Английские судьи демонстрируют большую степень вежливости, практически всегда смягчая перечисленные акты выражением извинения, средствами субъективной модальности или метакоммуникативными конструкциями со значением сожаления. В речи русских судей эти средства используются весьма ограниченно.

Речи судей «не противопоказаны» и средства положительной вежливости: благодарности и извинения, запросы разрешения на совершение действий, просьбы о помощи, самоуничижительные ремарки. Эти средства характеризуют в большей степени английскую речь, тогда как в речи отечественных судей распространена институционально санкционированная невежливость.

Вербальным компонентом судебной драмы также является образно-экспрессивный компонент. Так, для английского диалогического судебного дискурса характерно широкое применение метафор, которые в зависимости от ситуации выполняют декоративную либо структурирующую функцию. Применение в речи отдельных метафор и развернутых метафорических систем, позволяет участниками судебного процесса выстраивать судебную драму на когнитивном уровне. Судья откликается на метафоры в речи других коммуникантов и предлагает свои метафоры, тем самым активно участвуя в создании иной реальности, единого мысленного образа судебного процесса. Многие метафоры построены на образах, связанных с водой (*flow of odium – поток ненависти; plunge into the issues – нырнуть в проблемы; deluge with documents – затопить документами* и др.). Это рассматривается как проявление национально-культурной специфики, связанной с географическим положением Великобритании, окруженной водой.

Судья как лингвист

Данное обозначение позаимствовано у американских ученых, исследовавших ситуации, в которых судьи проявляют особое внимание к лингвистическим аспектам судопроизводства [L. Solan, P. Tiersma]. В материале исследования выделены 5 типов ситуаций, в которых от судьи требуется внимание к языку: 1) анализ процессуальных документов; 2) анализ документов, являющихся предметом судебного разбирательства; 3) решение вопросов о лингвистической экспертизе; 4) внимание к речи участников в ходе процесса; 5) анализ иноязычных текстов, предполагающий работу с двумя

языками. В примере (3) судья корректирует заданный вопрос, советуя опустить слово *neutral* (нейтральный) и называя его *unhelpful* (не способным помочь):

(3) CLAIMANT: *Does that sound to like a completely neutral and plausible account of an atrocity?*

JUDGE: *Leave aside "neutral". That is unhelpful word. Do you think it is plausible? (Irving 2000)*

На деятельность судьи как лингвиста можно посмотреть с точки зрения тех языковых аспектов, которые становятся предметом внимания и исследования в зале суда. Судьи рассматривают самые разные аспекты языка: лексическое значение слов и выражений, ситуативный и лингвистический контекст, грамматические особенности и строение текстов. Учитывая, что основной материал, с которым судья работает, это слово, важность этой стороны личности судьи не подлежит сомнению.

Судья – обычный человек

Рассмотренные выше стороны языковой личности судьи не мешают ему оставаться просто человеком, со своими сильными и слабыми сторонами, достоинствами и недостатками. В речевом поведении судей отмечены некоторые личностные проявления. Во-первых, между участниками судебных процессов помимо институциональных отношений могут возникать отношения личного характера: расположение, сочувствие, неприязнь и т.д. Так, взаимная неприязнь между судьей и прокурором находит выражение в их речевом поведении. Прокурор обращается к судье с ходатайством, но реакция судьи звучит как открытое проявление нежелания вникнуть в суть этого ходатайства и порождает ответную грубость со стороны прокурора:

(4) ПРОКУРОР: *Имеется следующее ходатайство. (Зачитывает текст.) Помощник прокурора Кондратьева.*

СУДЬЯ: *Я не понимаю.*

ПРОКУРОР: *Вам прочитать вновь это ходатайство? (Св.И. 1999)*

Во-вторых, определять поведение судьи на процессе может также влияние посторонних мнений, например, публикации в СМИ. Кроме того, личные убеждения, которыми руководствуется судья при оценке фактов и принятии решения по делу, могут находить отражение в принятых решениях. Выражение эмоций мы считаем еще одним проявлением индивидуальности. Эмоциональные проявления в речи судей если и не оказывают принципиального воздействия на ход процесса, то в некоторой степени корректируют процессуальное поведение сторон. Поэтому в ряде случаев можно говорить о целенаправленном выражении эмоций судьями. Английские судьи нередко сообщают о своих чувствах участникам процесса, используя целый ряд прилагательных и причастий, обозначающих эмоциональные состояния, часто с уточнением степени: *very reluctant* (совсем не склонен), *a bit surprised* (немного удивлен), *very anxious* (очень обеспокоен), *perfectly happy* (совершенно счастлив), *a bit alarmed* (слегка встревожен), *perfectly easy* (совершенно спокоен), *just puzzled* (просто озадачен) и др. К проявлениям человеческих качеств в речи судей мы относим также юмор и сарказм.

Соответствующие реплики не только выражают отношение судьи к происходящему, но и в некоторой степени отражают характер судьи.

Перечисленные личностные проявления в речи свидетельствуют о том, что любой судья даже в ходе выполнения судебных обязанностей остается обычным человеком со своими ценностями, убеждениями, привычками, настроением.

В третьей главе «Речь судьи в жанровом аспекте» рассмотрена теория речевых жанров (РЖ) как основа анализа судебного дискурса и разработана модель анализа жанров судебного дискурса. Применение модели позволяет связать выделенные в первой главе стороны языковой личности судьи с жанрами судебной речи.

Родоначальник теории речевых жанров М.М. Бахтин называет речевыми жанрами типы высказываний, обладающих предметно-смысловой исчерпанностью и типическими формами воплощения. При этом каждое высказывание имеет рамки, устанавливаемые сменой речевого субъекта. Высказывания отражают условия и цели общения содержанием, отбором грамматических средств и композиционным построением, которые определяются спецификой сферы общения. В современном жанроведении ключевым понятием в понимании речевого жанра является понятие модели, или типа текста [Т.В. Матвеева, А.Г. Баранов, М.Ю. Федосюк, Т.В. Шмелева, Ст. Гайда, В.В. Демьтсьев, J.P. Gee, M. Halliday, R. Hasan, Ch. Ferguson, T. Luckmann, Ch. Bazerman, V.K. Bhatia и др.]. Ученые подчеркивают неразрывную связь жанра с повторяющимся социальным и коммуникативным контекстом, в котором он формируется.

Отечественные и зарубежные исследователи посвятили значительное количество работ юридическим, в том числе судебным, жанрам и предприняли попытки классифицировать их [V.K. Bhatia, G. Stygall, J. Gibbons, I. Witczak-Plisiecka, О.П. Сологуб, В.В. Девяткина]. Важно, что в сферу изучения попадают не только монологические жанры юридической сферы, но и формы диалогического взаимодействия, которые рассматриваются как жанры, состоящие из речевых актов [K.L. Doty, R. Hiltunen, A. Johnson].

В дальнейшем исследовании судебных жанров исходными считаются следующие положения:

1) жанр представляет собой модель, матрицу, для построения высказываний, которая наполняется содержанием в зависимости от конкретной ситуации социального взаимодействия. Жанр – это инвариант высказывания или группы связанных высказываний, который получает конкретное воплощение в виде речевых произведений одинаковой жанровой принадлежности;

2) жанр тесно связан с коммуникативным и деятельностным контекстом, в котором он формируется. Получив фиксированную форму, жанр сам служит указанием на определенный ситуативный контекст;

3) свойством жанра является его целеориентированность, соответствующая как социальному контексту, так и частным интенциям коммуникантов.

Для изучения речевых жанров судебной сферы предлагается следующая модель анализа, охватывающая несколько факторов, которые влияют на формирование и функционирование описываемых жанров.

1. Функция речевого жанра в судебном процессе. Ряд речевых жанров совершенно необходим для осуществления правосудия. В рамках этой общей цели можно выделить более частные функции, выполняемые судьей в различных жанрах и являющиеся жанрообразующими признаками.

2. Степень институциональной обусловленности. Во-первых, появление жанра в ходе процесса обусловлено существующим в судебной сфере законодательством, регламентирующим процессуальный порядок и речевое поведение участников процесса. Такие жанры можно обозначить как обязательные. Появление других жанров может быть обусловлено соображениями и волеизъявлением говорящего. К таким жанрам применительно понятие факультативного жанра. Во-вторых, регламентирована формальная и семантическая структура жанра. Источником стандартов может быть как официальный документ, так и негласные устоявшиеся представления.

3. Участники речевого жанра. В ходе процесса судья вовлечен в ряд комплексных диалогических речевых жанров. Необходимо определить круг участников речевого жанра и роль судьи как ведущую или вспомогательную в контексте этого жанра, выделить речевые тактики, посредством которых строится взаимодействие между судьей и другими участниками процесса.

4. Соотнесённость РЖ с различными ролями судьи. В каждом речевом жанре судья проявляет стороны своей личности, выделенные в первой главе, в разной степени. Соотнесённость речевого жанра с определенной ролью, выполняемой судьей, в значительной степени характеризует сам жанр.

5. Место жанра в судебном процессе и связь с другими жанрами (интертекстуальность)

Рассматриваются интертекстуальные связи жанра с хронологически предшествующими и последующими жанрами, определяется характер этих связей. Такой подход позволяет увидеть судебный процесс под руководством судьи как единое непрерывное целое.

6. Особенности языкового выражения. Обобщение отмеченных в ходе анализа языковых особенностей, расширение этого списка и построение общей модели жанра составляют суть данного пункта модели. Обязательные для композиционной структуры речевого жанра компоненты и наиболее типичные лексические, грамматические, стилистические средства образуют инвариант жанра.

7. Национально-культурная специфика жанра. Национально-культурная специфика жанра может иметь самые различные прагматические и лингвистические проявления: от определенной специфики функций до особенностей структуры и отдельных языковых средств. Объяснение этих особенностей лежит в сфере устройства общественных институтов. Не остаются без внимания и особенности национального мышления, определяющие специфику как обыденной, так и институциональной коммуникации.

Предложенная модель анализа РЖ ориентирована на исследование жанров институционального общения и с некоторыми поправками может быть использована для изучения жанров различных видов профессиональной коммуникации.

Жанр «судебный допрос»

Судебный допрос является обязательным элементом судебного процесса как в континентальной (инквизиционной), так и в англо-американской (согласительной) судебной системе. Именно в ходе судебного допроса участники процесса восстанавливают события, являющиеся предметом судебного разбирательства, и жанр допроса в огромной степени определяет дальнейшее развитие процесса и его результат. Допрос является сложным комплексным жанром, в котором несколько участников (адвокаты, свидетель, судья, присяжные) преследуют свои частные цели. Каждому участнику допроса, включая судью, отведена роль, предполагающая определенный тип речевого поведения. Как в согласительной английской системе, так и в отечественном уголовном процессе, переставляющемся в сторону согласительности, судья должен проявлять минимум речевой активности, наблюдая за борьбой между сторонами. Однако наблюдения над отечественными судебными процессами свидетельствуют о том, что на практике судьи не всегда готовы отдать инициативу, в том числе речевую, в руки сторон. В гражданских процессах роль судьи более активна, и судьи имеют право задавать вопросы допрашиваемым в любой момент процесса. Несмотря на некоторые различия, в обеих судебных системах судья является коммуникативным центром происходящего, осуществляя регулятивную функцию и функцию посредника между другими участниками судебного процесса и выполняя роль судьи-рефери, основной задачей которого является обеспечение равноправия сторон и справедливости судебного процесса. Для взаимодействия судьи с разными участниками допроса характерен свой набор речевых тактик.

Выстраивая речевое взаимодействие с допрашиваемым, судья осуществляет руководство ходом допроса посредством применения следующих тактик:

- 1) запрос мнения сторон при обсуждении ходатайств и просьб;
- 2) цитирование показаний свидетелей с целью избежать их неправильного толкования;
- 3) запрет показаний с чужих слов (hearsay rule). Свидетельствование с чужих слов считается слабым доказательством в английской системе, и стороны внимательно следят, чтобы такие свидетельства снимались судом с рассмотрения. В отечественной системе запрета на использование свидетельских показаний, даваемых с чужих слов, не существует;
- 4) запрет наводящих вопросов (leading questions), характерный для речи английских судей. Отсутствие этой тактики в речи русских судей можно объяснить размытостью критериев наводящего вопроса в отечественном процессуальном праве и большей свободой судей в определении характера вопроса;

5) распоряжение о замене формулировок вопросов, уточнение формулировок. Так, в примере (5) судья прерывает свидетеля, отвечающего не по сути, и просит допрашивающего переформулировать вопрос:

(5) *JUDGE: You are not following the question, ask it again in a more simple form.* (Huntley 2003);

6) указание на нерелевантность вопроса, снятие вопроса. Например:

(6) *СУДЬЯ: Снят вопрос. Следующий вопрос. Причем здесь свидетель-то...* (Св.И. 2001);

7) выяснение линии обвинения/ защиты. Данная тактика не применяется отечественными судьями в силу менее развитой состязательности процесса и сохраняющегося стремления судей концентрировать внимание на собственной линии допроса;

8) побуждение задать вопрос, направленный на получение фактической информации, необходимой судье. Тактика характерна для английских судей, избегающих непосредственного участия в допросах;

9) распоряжения процедурного характера, контроль времени. В этих вопросах судья имеет полное право проявить жесткость и категоричность, что отражается на формальной стороне высказывания.

Для речевого взаимодействия судьи и допрашивающего характерно ярко выраженное статусное неравенство, а тактики в речи судьи можно разделить на три группы в соответствии с типом конструируемой реальности. Согласно Дж. Гиббонсу, в ходе судебного процесса взаимодействуют три реальности: первичная, т.е. непосредственная реальность зала суда; вторичная, т.е. события, послужившие причиной судебного процесса; реальность третьего типа – собственно сфера закона [Gibbons, 2005]. Соответственно можно выделить тактики: 1) способствующие соблюдению общих норм поведения в суде и судебной процедуры; 2) способствующие более эффективному процессу дачи показаний и влияющих на их содержательную сторону; 3) разъясняющие юридические моменты и тем самым обеспечивающие полноценное и осознанное участие непрофессионала в процессе, понимание им происходящего в зале суда. Три группы тактик переплетаются в ходе допроса. Полный список тактик представлен в таблице 1 «Тактики судьи в общении с допрашиваемым», отражающей востребованность конкретных тактик в речи русских и английских судей.

Большинство из перечисленных тактик имеет метакоммуникативный характер и ориентировано на помощь участникам допроса в создании речевых произведений, соответствующих институциональным нормам, а также на регулирование взаимодействия между участниками допроса. Из таблицы видно, что тактики первого типа в речи русских и английских судей обнаруживают значительный параллелизм, однако есть и различия. Русские судьи не применяют тактику запрета на обсуждение обстоятельств дела вне зала суда, а в речи английских судей отсутствуют призывы к соблюдению норм поведения. Последний факт может свидетельствовать о большем уважении к судебной власти, а значит, об отсутствии необходимости делать замечания в зале суда.

Таблица 1 «Тактики судьи в общении с допрашиваемым»

№	Тактика	Русск.	Англ.
I	<i>Создание первичной реальности, контроль процедуры</i>		
1	Распоряжение по процедуре (действиям) в суде	+	+
2	Распоряжение на будущее (запрет обсуждения)	-	+
3	Разрешение уйти	+	+
4	Контроль слышимости голоса	+	+
5	Напоминание об обязанностях и обеспечение прав	+	+
6	Призыв к соблюдению норм поведения	+	-
II	<i>Воссоздание вторичной реальности, контроль содержания показаний</i>		
7	Контроль временных рамок показаний	+	+
8	Очерчивание круга тем	+	+
9	Указание на (не)релевантность показаний	+	+
10	Конкретизация и уточнение информации	+	+
11	Контроль формулировок	+	-
12	Стимулирование умозаключений	+	+
13	Прямой запрос информации	+	+
III	<i>Обращение к реальности права, юридические пояснения</i>		
14	Объяснение принципов судебного процесса	+	+
15	Разъяснение правовых категорий	+	-
16	Квалификация действий с точки зрения права	+	-
17	Пресечение юридических комментариев	+	-

Тактики второго типа способствуют эффективности допроса и касаются содержательного аспекта показаний. Эти тактики практически идентичны в русском и английском судебном дискурсе с той разницей, что тактика прямого запроса информации более широко применяется русскими судьями, склонными выполнять инквизиционные функции в ходе допроса, причем выполнение инквизиционной функции в ряде случаев приводит к нарушениям процедуры. Английские судьи, наоборот, делают запросы фактической информации только по необходимости, осознавая, что сбор фактов не является их обязанностью. Так, английский судья спрашивает у допрашиваемого разрешения задать вопрос и обещает больше не вмешиваться:

(7) JUDGE: *Can I just ask one question and then I will stop? How do you date this photograph as February '43? (Irving 2000)*

Национально-культурная специфика речи английских судей состоит также в том, что они не указывают свидетелям и подсудимым на недостаточную правильность их формулировок, а только уточняют сообщаемую информацию. Это можно объяснить характерной для английского

общения вежливостью: акцент делается не на неумении собеседника правильно выразить свои мысли, а на собственной неспособности правильно его понять.

Тактики третьей группы обнаруживают значительные различия. Отечественные судьи используют несколько тактик для пояснений юридического характера, тогда как в английском материале встречаются только единичные примеры таких объяснений. Все вопросы правового характера английские судьи решают с ведущими допрос участниками судебного процесса, чаще всего являющимися профессиональными юристами. В работе это объясняется тем, что в английском судопроизводстве допрашиваемые (свидетели, подсудимые) получают достаточную правовую поддержку и необходимые инструкции от профессиональных юристов (прокурора, адвоката), которые и обсуждают все вопросы правового характера с судьей.

Речевое взаимодействие русских судей с подсудимыми отмечено характеристикой, не характерной для поведения английских судей. Это оценочное отношение к подсудимому и определенная степень морализирования в общении с ним. Оценочное поведение судей связано, во-первых, с противоположными статусами судьи и подсудимого в зале суда и, во-вторых, с проявлением важной черты русского менталитета – «судейского комплекса». «Судейский комплекс» связан с приматом нравственной сферы в области принятия решения и поступка и выражается в высказываниях, дающих оценку с опорой на категории морали и нравственности [Касьянова, 1994]. Отечественные судьи оценивают поступки подсудимых не только с юридической точки зрения, но и с точки морали и нравственности. В примере (8) судья указывает на неблагоприятное, вызывающее осуждение поведение подсудимой, противоречащее ее статусу матери:

(8) СУДЬЯ: *Ребенок Ваш где и с кем находился, пока Вы в Саранск ездили?*

ПОДСУДИМАЯ: *С З.*

СУДЬЯ: *С З.? То есть пока Вы пили, гуляли, ребенок там находился? (РЗ 2/2008)*

Русские судьи склонны оценивать подсудимых и в ситуации судебного процесса, например, считают показания подсудимых заслуживающими или не заслуживающими доверия. Совсем не соответствует представлению о невозмутимом судье иронично-снихождительный тон, который отечественные судьи часто выбирают для общения с подсудимыми. Такая тональность общения отчасти объясняется привнесением со стороны судьи личностного начала и обычного человеческого отношения к участникам процесса. Оценочность в речи судей придает формализованной судебной коммуникации личностный, эмоциональный, фатический оттенок.

Общение судьи с присяжными в рамках судебного допроса минимально. Многие обращения судьи к присяжным носят инструктивный характер или касаются технических вопросов. Высказывания судьи, адресованные присяжным, начинаются с обращения *members of the jury* и содержат императивные формы *don't put, keep, take, don't rush*, характерные для инструкций. В обязанности судьи входит делать комментарии

разъяснительного характера, помогающие присяжным правильно выполнять свои обязанности. В ряде случаев судья подсказывает присяжным, на что следует обратить внимание. Судья также выполняет функцию посредника между присяжными и другими участниками процесса, озвучивая вопросы присяжных и перефразируя высказывания сторон. Такие комментарии соответствуют роли судьи-рефери, обеспечивающего справедливый процесс.

Напутственное слово председательствующего, или summing-up

Напутственное слово представляет собой заключительное обращение судьи к присяжным перед тем, как они удаляются в совещательную комнату для вынесения вердикта. Этот жанр является обязательным для уголовных процессов с присяжными. Посредством этого жанра судья дает присяжным указания, как применять закон, ставит перед присяжными определенные задачи, предостерегает от совершения некоторых ошибок, суммирует ключевые доказательства.

Напутственное слово является монологическим высказыванием, однако по сути это глубоко диалогичный жанр. Судьи строят обращение, используя нарративную модель, опирающуюся на повседневную жизнь и логику [Heffer, 2002]. Тенденция диалогизации реализуется посредством ряда тактических и языковых средств, которые включают обращения к адресату (*Уважаемые присяжные заседатели! Jury, ...*); глагольные и местоименные формы 2 лица; инструкции, просьбы, предупреждения, рекомендации, запреты, выраженные императивами либо модальными конструкциями; вопросно-ответные единства, имитирующие диалог (*...с учетом показаний кого? Тех, кто видел*); перформативы, эксплицитно обозначающие цель реплики (*предостерегаю, I want to give you directions*); апелляции к памяти, знаниям, пониманию присяжных (*you remember, как вы помните*); вопросы для размышления; возможные логические линии размышлений; ответы на некоторые вопросы присяжных, полученные судьей ранее в письменном виде; примеры жизненных ситуаций, используемые для разъяснения юридических понятий; вопросы сопутствующего характера (*Закрываетесь, ключи-то есть, да?*). Благодаря перечисленным средствам диалогизации присяжные становятся участниками этого монологического жанра.

В напутственном слове находят отражение разные грани языковой личности судьи. Прежде всего, судья выступает как рефери, от которого требуется беспристрастное и объективное освещение обстоятельств дела. Понятие справедливости и справедливого судебного процесса нередко фигурирует в речах судей. Так, судья убеждает присяжных оценивать всех свидетелей по одинаковым справедливым стандартам:

(9) *Judge all witnesses by the same fair standards.* (Shipman 2000)

Степень объективности напутственного слова обеспечивается способами представления фактов в ходе суммирования обстоятельств дела. Судья суммирует аргументы и свидетельства, представленные обеими сторонами. Он также указывает на противоречия или их отсутствие в мнениях сторон и показаниях свидетелей, что способствует более четкому изложению

обстоятельств и не оказывает непропорционального воздействия на присяжных. Абсолютной прерогативой судьи является отбор свидетельств для суммирования, а также представление их как важных или неважных, что определяет восприятие свидетельств присяжными. Эффективность напутственного слова также определяется способами группировки свидетельств.

В напутственном слове встречаются проявления личностного начала судей: судьи сообщают о своем личном восприятии дела или отдельных свидетельств (*...you may think what he was saying was not very startling or surprising*). Жанр напутственного слова не предполагает подробного анализа лингвистических деталей в показаниях свидетелей, но принципиальные, важные для вынесения вердикта моменты получают отражение в речи судьи. Театральная сторона личности судьи находит выражение в институционально обусловленном характере напутственного слова. Отечественные и английские судьи при построении речи используют композиционную схему, предложенную в Уголовно-процессуальном кодексе и документе «*Crown Court Bench Book*» соответственно, но общие композиционные схемы допускают определенную степень варьирования с точки зрения формы и содержания.

Напутственное слово, несмотря на монологичность, является жанром многоголосым, поскольку несколько различных жанров служат источниками представленной в речи судьи информации. В эти жанры входят судебный доклад, прения, присяга присяжных заседателей, результаты судебных экспертиз, протоколы следственных действий, законодательные тексты, тексты неинституциональных жанров. Очевидно, что жанр напутственного слова связан интертекстуальными связями с большим количеством жанров, реализующихся как в рамках процесса, так и вне их.

Решение и приговор суда как заключительные жанры судебного процесса

Понятия «решение» и «приговор» используются для обозначения видов решений суда в гражданском и уголовном процессах соответственно. Соответствующими терминами в английском судопроизводстве являются «*judgment*» и «*sentence*», причем первое слово, подобно русскому «решение», может использоваться как обобщающее понятие. Решение или приговор суда, в зависимости от типа процесса, являются «финальным аккордом», конечной целью судебного процесса, на достижение которой и были направлены процессуальные действия участников. В обоих случаях происходит разрешение конфликта: в случаях гражданского процесса – конфликта между сторонами; в случае уголовного процесса – конфликта между правонарушителем и государством, контролирующим соблюдение правовых норм в обществе. Решение и приговор являются жанрами, обязательными для судебного процесса. Автором жанров является судья, а адресатом являются как присутствующие в зале суда участники процесса, так и общество в целом. Адресатами являются также другие судьи, которые по характеру своей профессиональной деятельности знакомятся с прецедентными решениями.

Главной стороной языковой личности судьи, которая проявляется в жанрах решения и приговора, является роль судьи-рефери. Именно эти финальные жанры процесса представляют собой акты справедливого правосудия. Задача, стоящая перед судьей, состоит как в том, чтобы свершить правосудие, так и в том, чтобы убедить адресата в справедливости и правильности принятого решения. Выполнение такой задачи требует использования определенных тактических и речевых средств для демонстрации обоснованности собственной позиции. В число этих средств входят следующие: ссылка на существование общепринятых принципов исследования и оценки фактов (*При назначении подсудимому наказания суд учитывает характер, степень общественной опасности...*, *The main legal principles which I apply...*); ссылка на принципы составления доказательной базы (*The first category consisted of the evidence..., the second category..., the third category...*); объяснение квалификации преступления (*Квалифицирующий признак кражи, совершенной с незаконным проникновением в хранилище, также нашел подтверждение...*); критический подход к версиям обвинения и защиты (*не доказано, не подтверждается, it is not justified*). Наряду с убедительными приемами мотивирования судебного решения судьи применяют и некоторые спорные доводы.

Абсолютно обезличенный характер дискурса русских судей исключает проявления индивидуальности и эмоциональности. Тексты решений и приговоров построены с использованием соответствующих безличных формулировок: *судом не было установлено, суд считает, суд приходит к выводу, суд учитывает, суд признает, суд квалифицирует* и т.п. В приговорах английских судей, наоборот, велика доля эмоциональности, что позволяет говорить о реализации в них судьями стороны «судья-обычный человек». Судьи ссылаются на собственное мнение, чувства, опыт, выражают личное отношение к вердикту, вынесенному присяжными, описывают преступления не только с правовой, но и с общечеловеческой точки зрения:

(10) The time has now come for me to pass sentence upon you for these wicked, wicked crimes <...> The sheer wickedness of what you have done defies description and is shocking beyond belief. You have not shown the slightest remorse or contrition for any of your evil deeds and you have subjected the family and friends of each of your victims to the agony of having to relive in this Court in public the tragedy and grief which you visited upon them. (Shipman 2000)

Финальные жанры судебного процесса характеризуются высокой степенью институциональной обусловленности, что способствует реализации в них судьей роли участника драматического действия. В российской судебной системе содержание решений и приговоров суда регламентировано ГПК РФ и УПК РФ соответственно. Согласно ст. 198 ГПК РФ, решение суда состоит из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей. Содержание приговора определяется ст.ст. 304–308 УПК РФ и включает вводную, описательно-мотивировочную и резолютивную части. Соблюдение четких правил построения решения и приговора, содержащихся в ГПК РФ и УПК РФ, способствует построению логичного, структурно и семантически завершенного

дискурса, поскольку предложенные схемы отражают естественный ход человеческой мысли: знакомство с ситуацией (вводная часть) → представление проблемы (описательная часть) → анализ проблемы и поиск решения (мотивировочная часть) → решение проблемы (резюмирующая часть). Изученные тексты приговоров построены в точном соответствии с этой схемой, а встретившийся образец с измененной структурой является скорее исключением из правил.

В английской судебной системе в качестве основы для составления решений и приговоров используются образцы документов, составленных высокопоставленными судьями, называемые «templates», а также нормативный акт от 2006 года под названием «Forms of Words in Sentencing» с рекомендациями относительно использования ряда формулировок в текстах приговоров. Общая структура английских приговоров по делам, рассматриваемым с участием присяжных, в целом соответствует структуре русских решений и приговоров по делам, рассматриваемым без участия присяжных, с той разницей, что первые не включают в описательно-мотивировочную часть доказательства по делу. Английские судебные решения по гражданским делам имеют более гибкую структуру, которая во многом зависит от характера дела и подхода судьи.

Подобно напутственному слову, судебные решения и приговоры являются жанрами, отмеченными ярко выраженной интертекстуальностью, и включают ссылки на законодательные тексты, принятые ранее судебные решения, материалы досудебного следствия, жанры судебного следствия (заявления, допросы, вердикт присяжных) и др.

С точки зрения национально-культурной специфики, жанры решения и приговора имеют некоторые особенности. Язык русских судей более формальный, обезличенный, насыщенный юридическими штампами, сложными синтаксическими конструкциями, без каких-либо эмоциональных проявлений. Стиль русских решений и приговоров является образцом стиля письменных официальных документов. Некоторый отход от форм письменного языка происходит в тех случаях, когда воспроизводятся показания свидетелей, и в таких случаях может наблюдаться стилистическая контаминация. Устное оглашение решения и приговора в отечественном суде по сути является зачитыванием вслух письменного документа, в редких случаях сопровождающееся комментариями, не включенными в текст письменного документа.

Рассматриваемые жанры в речи английских судей, напротив, отмечены рядом черт, характерных для устной речи. Несмотря на то что присутствуют и значительные по объему сложные конструкции, в целом длина предложений короче, а структура – проще. Применение риторических приемов (эллипсиса, повторов, параллельных конструкций, антитезы, эпитетов) не оставляет сомнений в том, что приговоры являются образцами устной речи, призванными оказать воздействие на слушателей. Такая стилистика английских жанров объясняется с исторической точки зрения: в течение веков английские судебные решения могли существовать исключительно в устной форме и не

обязательно быть зафиксированными в письменном виде, чтобы иметь силу прецедента. В данном случае социально-исторические причины перевешивают особенности национального менталитета, для которого характерна сдержанность в проявлении эмоций. Оценочность английских приговоров является также проявлением принципа возмездия (*retributivism*), т.е. выражения осуждения от имени государства по отношению к преступлению и преступнику.

Жанры в речи судей образуют жанровую систему, скрепленную интертекстуальными связями между собой и с другими жанрами, сформированными и функционирующими в ходе судебного процесса и вне его. Это позволяет говорить об условности границ дискурса одного судебного процесса. При ряде условий границы судебного дискурса могут расширяться настолько, что это приводит к появлению гибридных типов дискурса.

Четвертая глава «Речь судей в гибридных типах дискурса» посвящена речевому поведению судей в ситуациях вне зала суда, в которых судья выступает в нетипичном амплуа публичной фигуры. В главе рассмотрены 3 жанра: публичная речь, интервью, эссе. Эти жанры не являются способом реализации собственно судебного дискурса, поскольку они занимают положение, пограничное между судебным дискурсом, дискурсом СМИ, политическим дискурсом и имеют признаки перечисленных типов дискурса. В таких случаях можно говорить о формировании гибридного дискурса. Выделяя свойства институционального дискурса, В.И. Карасик отмечает градуальный характер институциональности. В институциональном дискурсе можно выделить ядро (общение базовых участников) и периферию, «где находится контакт представителя института с человеком, не относящимся к этому институту» [Карасик, 2002, с. 292–293]. Развивая идею о полевой структуре дискурса, мы утверждаем, что разнородный состав участников периферийного общения – не единственный признак гибридного дискурса. Гибридный дискурс характеризуется утратой одного или нескольких принципиальных признаков исходного дискурса и присвоением признаков другого типа дискурса.

Для объяснения механизма образования гибридных типов дискурса целесообразно использовать понятия «интертекстуальность» и «интердискурсивность». Под интертекстуальностью текста в работе понимается присутствие в нем элементов других текстов и других голосов помимо авторского. Интердискурсивность – явление другого уровня, которое касается социо-прагматической стороны дискурса. Анализ интердискурсивности – это своего рода посредник между лингвистическим анализом текста и различными формами социального анализа общественно значимых событий. Смешение социальных практик проявляется в интердискурсивности и гибридных типах дискурса.

Публичные речи судей

Роль публичной фигуры не является типичной для судей, поскольку судейская деятельность предполагает определенную степень удаленности от общественного внимания. «Закон о статусе судей в Российской Федерации» и «Guide to Judicial Conduct» (Руководство по поведению судей) регулируют

публичное поведение судей в России и Англии соответственно. Вне зала суда судьям не разрешено давать объяснения или высказывать личную позицию относительно рассматриваемых дел. В то же время в обеих странах при существующих ограничениях публичности судебного корпуса одной из главных целей судебной власти является создание и поддержание своего образа как прозрачной, независимой и открытой для диалога с обществом системы. Достижению этой цели в значительной степени способствуют выступления высокопоставленных представителей судебной власти перед коллегами и широкой аудиторией.

При сравнении дискурса публичных выступлений судей с собственно судебным дискурсом обнаруживаются как общие, так и различные черты. Общей характеристикой является автор, производитель дискурса. Это судья, который в обоих типах дискурса выступает в качестве представителя судебной власти. Иногда можно говорить об общем месте речевого события: ряд публичных выступлений судей происходит в стенах суда, где судьи проводят совместные заседания и обращаются к своим коллегам. Но многие речи произносятся на встречах со студентами, в деловых клубах, на конференциях, и в этих случаях они ориентированы на адресата, далекого от судебной сферы. Тематическую сферу речей можно обозначить в целом как «Судебная власть и осуществление правосудия». Выступления судей в дальнейшем получают отражение в масс-медийном дискурсе, во многом определяя общественное мнение о судебной власти.

Стремление построить диалог с широкой аудиторией находит отражение в языковых и тактических средствах, которые судьи используют в публичных выступлениях. Эти средства отчасти совпадают со средствами диалогизации, используемыми в зале суда, но их репертуар в публичных выступлениях шире, что объясняется меньшей институциональной обусловленностью речи вне судебного процесса. В рамках общей стратегии диалогизации выделены 3 группы типичных тактик и речевых средств:

I. обеспечивающие понятность и доступность речи: композиционно-структурные и логико-связующие метакоммуникативные конструкции (*прежде всего, резюмируя, I want now to draw my remarks to a close, further*), повторение тезиса;

II. служащие для привлечения и удержания внимания аудитории: вопросительные высказывания, в том числе вопросно-ответные единства (*Как разрешить проблему? Which of those two men is morally more culpable? I won't answer the question*), апелляция оратора к необычным фактам;

III. направленные на интимизацию общения: положительная оценка аудитории (*you have a much greater experience*), объединение себя с аудиторией (*у нас с вами, in our community, we all*), вовлечение аудитории в совместную деятельность, апелляция к своей личности и собственному жизненному опыту.

Подобно речи в зале суда, публичные речи судей содержат значительное количество интертекстуальных обращений к законодательным текстам. Интертекстуальные ссылки на законодательные тексты не только обусловлены социальным статусом говорящего и тематической сферой выступления, но и

помогают четче обозначить эту тематическую сферу. С точки зрения формы выделены три основных типа включений законодательных текстов в публичный дискурс судей: 1. ссылка на закон, в которой дается его точное название, но содержание закона не толкуется и не цитируется; 2. краткий пересказ содержания закона, чаще его конкретного пункта, значимого для темы выступления; 3. собственно цитирование закона.

Ссылки на законодательные тексты выполняют целый ряд функций. Они помогают оратору очертить тематическое пространство речи, аргументировать собственную позицию либо выстроить полемический диалог с автором включения посредством помещения цитаты в модальную рамку. Полнотекстовые цитаты и объяснения законодательных текстов обеспечивают аудиторию, состоящую из неспециалистов, дополнительной информацией, необходимой для восприятия речи. Такие функции интертекста соответствуют функциям, которые он выполняет в собственно судебном дискурсе. Установленное соответствие позволяет утверждать, что в жанре публичной речи судьи активно используют элементы речевой практики, регулярно применяемые ими в судебном дискурсе. Перенос некоторых типичных для судебного дискурса способов организации речевого взаимодействия в публичный дискурс, ориентированный на иного адресата и в целом имеющий иную коммуникативную интенцию, свидетельствует об интердискурсивности и формировании гибридного дискурса.

В публичных выступлениях судей содержится также большое количество интертекстуальных включений других типов, что значительно расширяет тематические границы речи, их функциональные возможности и предоставляет ораторам определенную творческую свободу. Интертекст успешно используется судьями для того, чтобы аргументировано представить собственную позицию и укрепить авторитет судебной власти. Среди источников интертекста: статистические данные, цитаты из речей представителей других ветвей власти и официальных лиц, ссылки на слова коллег-судей, цитаты из художественной литературы и библейские аллюзии. Многие из перечисленных типов интертекста отмечены в других исследованиях как характерные для политического дискурса [Спиридовский, 2006]. Меняя сферу деятельности и выступая в качестве публичной фигуры, судьи адаптируют соответствующим образом свое речевое поведение и присваивают часть речевых практик, т.е. социально значимых способов речевого поведения, характерных для сферы политики. Происходящее в публичной речи судей взаимное обогащение судебного и политического дискурса приводит к образованию гибридного дискурса.

Речь судей в дискурсе СМИ

Как публичная фигура судья проявляет себя также в жанрах дискурса СМИ: интервью и эссе. Несмотря на налагаемые на судей ограничения, касающиеся их публичных заявлений и появления в СМИ, и в российском, и в английском обществе представители судебной власти осознают необходимость сотрудничества с СМИ и выстраивания таких отношений с ними, которые

способствовали бы выполнению стратегической задачи – создание образа независимой, прозрачной, беспристрастной судебной власти.

Жанр интервью предоставляет широкие возможности для решения этой задачи. В жанре интервью судья выступает в необычной для своего статуса роли. Если в зале суда он является носителем речевой инициативы, то в интервью он оказывается в роли допрашиваемого. При этом судья остается носителем своего статуса и интересуется интервьюера именно в этом качестве. Судейский статус проявляется прежде всего в демонстрации своей тесной связи с судебским сообществом и выражении коллективного мнения по многим проблемам. Институциональные нормы также накладывают отпечаток на речевое поведение судей в ходе интервью: судьи отказываются отвечать на вопросы, касающиеся конкретных судебных процессов или проблем правоприменения:

(11) В: Я правильно понял, что с рядом нововведений вы не согласны?

О: Судьи - правоприменители. Теперь, когда УПК стал законом, мы не можем говорить, согласны мы с ним или нет... (Лебедев 2001)

В речи судей наряду с чертами речевого поведения, в которых отражен судебский статус интервьюируемого, отмечаются проявления личностного начала. К ним относятся оценочные высказывания, которые часто сопровождаются метакоммуникативными маркерами субъективности, ссылки на личные чувства, связанные с профессиональной деятельностью, ссылки на личный опыт и жизненные истории, системы метафорических образов, интертекстуальные включения, среди которых обнаруживаются художественные произведения, пословицы и поговорки. Таким образом, в ходе интервью судья реализует себя не только как представитель и носитель судебной власти, но и как отдельная личность с присущими ей воззрениями, жизненным опытом, пониманием мира.

Основная цель судьи в интервью состоит в создании положительного образа судебной власти в обществе, и судьи применяют ряд соответствующих тактик для достижения основной цели. Список тактик включает:

1) признание ошибок, демонстрирующее критический и аналитический подход говорящего к себе и своей деятельности (*...Система назначения кадров, которая на сегодняшний день существует, имеет много погрешностей, много неясного*);

2) непризнание вины и ошибок, обычно в ответ на обвинения журналиста (*...It is simply not true. Judges by and large can be shown to be getting rather more severe in their sentencing*);

3) положительная оценка деятельности судей, для реализации которой широко используются лексические средства с положительно-оценочной семантикой (*справились, высокое качество, позитивные сдвиги, стабильность решений, эталонное качество решений, полноценная судебная инстанция, working well enough, worked very well, judges of high integrity/ high ability, admirable state of affairs*);

4) обещания на будущее, представляющие положительные перспективы (*будем совершенствоваться, целый комплекс мер, a more diverse judiciary*);

5) критика в адрес других сил, стоящих на пути развития судебной системы, например, законодательной и исполнительной власти;

6) ссылки на принципы функционирования судебной системы, гарантирующие ее успешное функционирование, такие как независимость, демократию, публичность, прозрачность, эффективность, представляющие одинаковую важность как для отечественной, так и для английской судебной системы;

7) самоирония, отмеченная в речи английских судей и в принципе характерная для английской речевой культуры (*..We don't say something silly very often but sometimes we do...*).

Анализ интервью показал, что задачи, решаемые судьями в ходе интервью, имеют политический характер и судьи применяют соответствующие этим задачам речевые средства, что сближает речь судей с политическим дискурсом. В то же время судьи сохраняют статус представителя судебной власти и корректируют свое речевое поведение в соответствии с этим статусом.

Эссе «День из жизни судьи»

Публичность английских судей находит выражение и в таком необычном жанре, как эссе, автором которого является сам судья. Эссе, написанные шестью судьями судов разных уровней, представляют взгляд на работу судьи глазами самого судьи, реализуя на популярном уровне просветительскую функцию. Цель эссе – показать не столько функционирование безличного механизма системы правосудия, сколько жизнь конкретного человека, работающего в этой системе. Повествование ведется от первого лица, а центральное место личности судьи в эссе определено уже с первых строк, начинающихся с личного местоимения 1 л. ед.ч (*I, me*).

Судьи знакомят читателей с разными особенностями функционирования судов, используя обширный терминологический аппарат судопроизводства, например, при перечислении типов гражданских споров (*contract, negligence, personal injury, property disputes, civil injunctions*), развенчивают стереотипы о своей работе, сообщают о своей огромной ответственности (*enormous responsibility*), значительном влиянии своих решений на жизни граждан (*significant influence*) и необходимости гарантировать каждому справедливое слушание (*fair hearing*). Судьи обращают внимание и на то, с какими людьми они сталкиваются в своей профессиональной деятельности, включая обычных людей и коллег-судей. Так, судья Высокого суда характеризует персонал своего суда как одну из самых опытных команд в стране (*one of the most experienced court administrations in the country*).

Еще одним компонентом общей картины судейской деятельности является выражение судьями личного отношения к своей работе. Во всех эссе обнаруживается целый ряд лексических единиц и выражений, представляющих работу судьи как сложную и требующую много сил и терпения, с одной стороны, и интересную и приносящую удовлетворение, с другой стороны.

Важную роль в достижении цели – влиянии на общественное мнение – играет стиль изложения. Эссе написаны достаточно простым языком. Наряду со специальной лексикой встречается лексика, характерная для разговорной речи:

for a start, collapse into a deep and welcome sleep, a dozen or so letters and emails, pick up all those letters, every couple of weeks or so и т.д.

Эссе не представляют судебный дискурс в его «чистом» виде. Пишущий судья имеет иную коммуникативную цель: он стремится не к фактическому осуществлению правосудия, а к созданию картины осуществления правосудия. Однако на фоне личного опыта судьи преподносятся общие принципы правосудия, упоминаемые в разных жанрах судебного дискурса. Связь эссе с судебным дискурсом устанавливается за счет автора – эссе написаны судьями, и именно этот статус авторов придает авторитетность речевым произведениям. Кроме того, эссе объединены с жанрами судебного дискурса тематической сферой и соответствующими этой сфере языковыми средствами.

Сочетание перечисленных характеристик судебного дискурса с коммуникативной интенцией, характерной для дискурса публицистического, и разностилевыми языковыми средствами позволяет говорить о гибридности рассмотренных эссе.

В заключении подводятся итоги работы, обобщаются выводы и намечаются перспективы дальнейших дискурсивных исследований, которые связываются с изучением гибридных типов дискурса, в которых наглядно просматривается взаимосвязь между различными сферами деятельности и социальными институтами.

Основные положения диссертации изложены следующих публикациях автора:

Публикации в изданиях, включенных в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий...», рекомендуемых ВАК

1. Дубровская Т.В. О роли метакоммуникативных средств в речи английского судьи // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2008. – №7 (31). – С. 91–94. (0,5 п.л.)

2. Дубровская Т.В. Образ судьи и судебной власти в дискурсе английских СМИ // Известия Высших Учебных Заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – №3 (7). – С. 72–81. (0,9 п.л.)

3. Дубровская Т.В. О диалогичности жанра ‘напутственное слово председательствующего’ (на материале русского и английского языков) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». – 2009. – № 35 (173). – С. 58–63. (0,6 п.л.)

4. Дубровская Т.В. Законодательные тексты как источник интертекстуальности в публичных речах судей // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2009. – №3 (71). – С. 171–178. (1 п.л.)

5. Дубровская Т.В. О речевом взаимодействии судьи с представителями обвинения и защиты в жанре судебного допроса // Вестник Ленинградского

государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия «Филология». – 2009. – №5. – Т.2. – С. 135–147. (0,6 п.л.)

6. Дубровская Т.В. О речевом взаимодействии судьи и допрашиваемого в ходе судебного допроса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология». – 2010. – №1. – С. 50–57. (0,9 п.л.)

7. Дубровская Т.В. Судья как лингвист: лингвистический аспект правовой деятельности (на материале русского и английского языков) // Известия Высших Учебных Заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – №1 (13). – С. 116–125. (0,9 п.л.)

Монографии

8. Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). – М.: Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. – 351с. (22 п.л.)

Статьи и материалы конференций

9. Дубровская Т.В. К проблеме изучения речевых жанров «осуждение» и «обвинение» // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – Вып. 4. – С. 223–226. (0,25 п.л.)

10. Дубровская Т.В. Судебные документы и речи обвинителей как образцы речевых жанров «осуждение» и «обвинение» // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. – Вып. 5. – С. 123–126. (0,25 п.л.)

11. Дубровская Т.В., Кормилицына М.А. Некоторые прагматические характеристики речевых жанров «осуждение» и «обвинение» // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. – Вып. 3. – С. 272–282. (0,7 п.л.)

12. Дубровская Т.В. К проблеме разграничения речевых жанров «осуждение» и «обвинение». На материале английских словарных дефиниций // Романо-германская филология: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – Вып. 3. – С. 77–81. (0,3 п.л.)

13. Дубровская Т.В. Национально-культурная специфика речевых жанров «осуждение» и «обвинение» // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – Вып. 6. – С. 251–256. (0,4 п.л.)

14. Дубровская Т.В. О взаимодействии судебной власти и личности в ходе судебного разбирательства (на материале судебного разбирательства в Королевском суде Великобритании) // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – Вып.4. Власть и речь. – С. 60–64. (0,3 п.л.)

15. Дубровская Т.В. Экспрессивные языковые средства в судебном дискурсе // Романо-германская филология: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – Вып. 4. – С. 256–262. (0,4 п.л.)

16. Дубровская Т.В., Леонова Ю.В. Судебный процесс и его воплощение в художественной литературе. На примере произведения E.S. Gardner "The case of the Glamorous Ghost" // Романо-германская филология: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. – Вып. 5. – С. 255–259. (0,3 п.л.)

17. Дубровская Т.В. Основания для осуждений и обвинений как жанроразличительный признак // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр./ под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. – Вып.5. – С. 204–214. (0,7 п.л.)

18. Дубровская Т.В. Речевой аспект деятельности английского судьи // Германская филология: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: ООО Издательство «Научная книга», 2006. – Вып.1. – С. 103–109. (0,4 п.л.)

19. Дубровская Т.В. Английский судья как драматическая фигура // Актуальные проблемы коммуникации и культуры: сб. науч. тр. российских и зарубежных ученых. – Москва–Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2006. – Вып.4. – Часть II. – С. 164–171. (0,5 п.л.)

20. Dubrovskaya T. The English Judge: a Human-Being or a "Passionless Thinking Machine"? // Современные направления в лингвистике и преподавании языков: материалы международной научно-практической конференции. Т.1. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2007. – С. 33–45. (0,8 п.л.)

21. Дубровская Т.В. Структура языковой личности английского судьи // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 104–121. (1,1 п.л.)

22. Dubrovskaya T. Intertextuality in Public Discourse of Russian and English Judges // Современные направления в лингвистике и преподавании языков: материалы II международной науч.-практ. конф. / под ред. Т.В. Дубровской, Е.В. Китаевой. – М: МНЭПУ (Пензенский филиал), 2008. – Т.1. – С. 102–112. (0,7 п.л.)

23. Dubrovskaya T. Applying metaphor in the English legal discourse // Language, Thought and Education / Ed. M. Kuczynski, J. Zawodniak. – Zielona Gora: Uniwersytet Zielonogorski, 2008. – Vol. 1. – P. 29–41. (0,8 п.л.)

24. Dubrovskaya T. The image of English judicial power in the interview with the Lord Chief Justice // Наука и культура в 21 веке: новые пути к бесконфликтному обществу: сборник материалов Международного симпозиума. – Пенза: ИИЦ ПГУ, 2008. – С. 26–31. (0,4 п.л.)

25. Дубровская Т.В. Вежливость и невежливость в русском и английском судебном диалогическом дискурсе // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. – Вып.8. Материалы Международной науч.-практ. конф. «Современное состояние русской речи: эволюция, тенденции, прогнозы». – С. 351–361. (0,7 п.л.)

26. Дубровская Т.В. Терминологический аспект дискурсивных исследований правовой коммуникации // Личность – Язык – Культура: материалы Всероссийской научно-практ. конф. 28-29 ноября 2007 г. – Саратов: ООО Издательский центр «Наука», 2009. – С. 209–219. (0,7 п.л.)

27. Dubrovskaya T. Communicative tactics of Russian and English judges in courtroom examinations // *Humanism in the European Science and Culture*. Lublin, 7-10 May 2009. – Lublin: Societas Humboldtiana Polonorum, 2009. – P. 86. (0,06 п.л.)

28. Dubrovskaya T. Politeness and impoliteness in Russian and English courtroom dialogue // *Dialogue Analysis XI: Proceedings of the 11th IADA Conference on Dialogue Analysis and Rhetoric, University of Münster, March 26-30, 2007* / Ed. Edda Weigand. – 2009. – Vol. 1. – P. 57–68. (0,75 п.л.)

29. Дубровская Т.В. «Выводы сделали для себя? Или Вас здесь как постоянных клиентов ждать?»: прагмалингвистические характеристики взаимодействия судьи с подсудимым // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика»*. – 2009. – Вып. 4. – С. 37–43. (0,4 п.л.)

30. Дубровская Т.В. Эссе «День из жизни судьи»: английские судьи о своей работе // *Личность – Язык – Культура: материалы III Всероссийской научно-практ. конф. 25-26 ноября 2009 г.* – Саратов: ООО Издательский центр «Наука», 2010. – С 372-376. (0,3 п.л.)

Дубровская Татьяна Викторовна

Судебный дискурс: речевое поведение судьи

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Подписано к печати 30.03.2010 г. Формат 60x84 1/16
Бумага ксероксная. Печать трафаретная.
Усл. печ.л. 2,5. Тираж 120. Заказ №166

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии В.Б. Морозова
440600, г. Пенза, ул. Лобачевского, 6